

Олег Готко

ЗЕМЛЯКИ ПО РАЗУМУ

Книга первая

Олег Готко

Земляки по разуму. Книга первая

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Готко О.

Земляки по разуму. Книга первая / О. Готко —
«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

ISBN 978-0-88-715345-7

Как-то забарахлил гравитокомпас у одного пилота грузового звездолёта и занёс его на Землю, где тот мгновенно оказался пришельцем. Это дало очень похожему на осьминога существу шанс познакомиться с не самыми обычными представителями земной фауны и астрала: молодым землянином Семёном Саньковским со товарищи, его женой и духом вождя древнего безвестного племени. Причиной дальнейших – забавных и не очень – недоразумений послужила его в высшей степени оригинальная защитная реакция на внешние раздражители. А причём здесь земляки? Да ещё по разуму? Да притом, что любой, наделённый интеллектом и рождённый на нашей планете, вправе считаться земляком, не правда ли?

ISBN 978-0-88-715345-7

© Готко О.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Часть первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Олег Готко
ЗЕМЛЯКИ ПО РАЗУМУ
Книга первая
народно-фантастический роман

Часть первая
ЗАЩИТНАЯ РЕАКЦИЯ

Воскресенье, 22 мая 1988 года

– У-у, козёл! – смело заявил Семён Саньковский и отхлебнул портвейна из бутылки. – Пошёл вон!!!

Было солнечное утро, он стоял на берегу речушки, а за спиной слышались обнадеживающие голоса друзей. Возможно, поэтому вопль прозвучал не как вызов на дуэль, а скорее как добрый совет. Несмотря на это, два глаза неопределённого цвета продолжали упрямо тарашиться на человека. В них не читалось даже намёка на пацифизм. Вонючее животное не скрывало намерений проверить на прочность свои костяные наросты.

Почему для этой цели оно из всех подходящих объектов выбрало именно его, для Семёна было полнейшей загадкой чужой души, скрывающейся в потёмках тела, покрытого грязно-белой шерстью. Дожив до двадцати пяти лет, он понятия не имел о так называемом инстинкте территории, присущем в равной степени как львам, так и козлам.

Саньковский вознамерился было повторить возлияние, но не секрет, что парнокопытным плевать на добрые советы. За мгновение до того, как рога вошли в непосредственный контакт с интимной частью тела, Семён успел-таки закупорить пальцем горлышко и даже замахнуться, демонстрируя завидную защитную реакцию...

Окружающий пейзаж кувыркнулся, и небо на ничтожный промежуток времени оказалось под ногами. Сделав пол-оборота, оно повисло над головой, звеня и покачиваясь огромным голубым колоколом. Отнюдь не супермен, но не лишённый толики самоуважения Саньковский лежал на спине, пришпиленный земным притяжением, как бабочка иголкой. Ему не было никакого дела ни до жужжания пчёл, ни до уносимого ветерком пуха сбитых одуванчиков. Зелёная травка, отчётливо папахивающая дерьмом, его тоже интересовала мало. От удара ныло то, что изошрённые в кулинарии канныбалы склонны нежно называть «филеешкой», а от соприкосновения с земной твердью перехватило дыхание.

Выпучив красивые синие глаза, Семён пытался глотнуть воздуха, и был похож на перепуганную сосиску, увидевшую дурной сон. В общем, было самое время его добить, однако даже козлы добрее людей.

– Живой, тореадор-самоучка? – послышался вопрос. Если в нём и присутствовала нотка волнения, то она полностью сглаживалась расстоянием. Тень вдруг закрыла Солнце, и тот же голос подтвердил диагноз: – Живой! Поднимайся, орёл с вертикальным взлётом!

Материализовавшись коренастым и веснушчатым Димкой Самохиным, она протянула руку и рывком поставила Семёна на ноги. Мученически скорчив другу благодарную рожу, тот выгнулся, помассировал поясницу и покосился на бутылку в левой руке. Несмотря на катаклизм, уровень жидкости там не уменьшился, но это было слабым утешением.

– Хлебни чутка, чтобы столбняк прошёл, – посоветовал практичный Димка и направился к импровизированному столу, где и размещались остальные зрители.

Не считая Самохина, свидетелей позора Саньковского было трое. Длинный, чья банальная кличка заменяла ему как описание внешности, так и биографию, да две девушки, с которыми познакомились здесь же, на берегу. Им было лет по двадцать, и они пока отличались друг от друга только степенью выпуклостей и именами.

Случившееся стало следствием визита приятелей к Семёну с целью выманить семью на природу. Однако жена Саньковского от вылазки отказалась наотрез, сославшись на мигрень, магнитную бурю и неблагоприятное расположение звёзд. Её вера в астрологию заслуживала отдельного разговора и была незыблема, как законы мироздания, хотя и отдавала атавизмом. Мария аргументировала это тем, что та – единственное, вселяющее в неё уверенность в завтрашнем дне. Не став уточнять, на какой именно день легли неправильно звёзды, а справедливо рассудив, что, согласно афоризму: «Баба с воза – кони в курсе дела», Семён захлопнул за собой входную дверь и отправился наслаждаться природой и портвейном на свой страх и риск. И делал это весьма успешно, пока не забрёл на чужую территорию.

– Ну, мужики, не будем отвлекаться. – Димка сел, поджал ноги и взял стакан. – Жили бы мы в Испании, например, так мы бы этих козлов одной левой!

Семён был парень незлобивый, но сейчас скрипнул зубами. Его душа жаждала реванша, однако выбор козлов отпущения был сильно ограничен.

– Согласен, – кивнул долговязый, сидевший напротив, – век живи, век учись!

– Золотые слова! Сенька, иди сюда! Послушай, что умные люди говорят!

Саньковский продолжал стоять на том же месте. Метрах в десяти о нём тихо сплетничали камыши, окаймляющие тихий омут, а шагах в пяти, нагло повернувшись задом сразу ко всему миру, жевал травку козёл. Он был привязан к иве, росшей у подножия холма. Склоны возвышенности были разграфлены микроскопическими огородами. На самом верху за густыми зарослями смородины можно было рассмотреть побелённые известью стены древней избушки. С хозяйкой – бабкой Грушей – они познакомились ещё раньше, когда та привела животное на пастбище.

Мутным оком окидывая весь этот пейзаж, Семён раздумывал, что будет эффективнее: подкрасться к козлу и отвесить здоровенного пинка или подняться к бабке и потребовать возмещения морального ущерба. Быть такого не могло, чтобы в этой глухомани не гнали самогон!

Пропитанная идиотизмом дилемма казалась довольно сложной, и Саньковский не на шутку задумался. Если в первом случае он наверняка испытал бы ни с чем не сравнимое чувство глубочайшего удовлетворения, то во втором – если, опять же, его предположение оправдается, – это ощущение они познают все вместе. Прилив крови к коре головного мозга спровоцировал перемещение центра тяжести, и тело начало раскачиваться, как одинокая пальма под бризом на берегу тёплого острова.

– Мальчики, – заволновалась одна из девчонок, не сводя с Семёна тревожного взгляда, – по-моему, он опять что-то задумал!

Димка бросил ленивый взгляд на далёкий остров.

– Вот уж не думал, что покачивание на ветру – признак усиленной умственной деятельности!

– А вдруг он опять к козлу полезет?... Покалечится, и что мы его жене скажем? – выдавил из себя ещё одну здравую мысль Длинный. Сегодня он был в ударе.

– Сделайте что-нибудь! У меня нехорошее предчувствие!

– Ирка, перестань корчить из себя ведьму, – посоветовала подруге та, что была более аппетитной, – лучше порежь хлеб.

– Предлагаю выпить за то, чтобы продолжение поединка было менее плачевным или более удачным! – Самохин относился к жизни намного оптимистичнее, чем она того заслуживала, и остальным советовал делать то же самое по мере возможности. – Take it easy!¹

– Ой, он уже начал идти! – взвизгнула Ира.

– Не визжи. Такой походкой он далеко не уйдёт.

И, правда, движения Семёна напоминали бальный танец с тенью. Следуя дружескому совету, он на ходу допил вино и швырнул бутылку в речку. Бултыхнувшись, та начала покачиваться, издевательски подмигивая ему солнечными зайчиками.

– Я так больше не могу! Ленка, идём со мной! – Ира решительно поднялась. – Ребята, почему вы сидите?

– Не такой он придурок, каким кажется, – отмахнулся Димка.

Тяжело вздохнув, Лена встала и последовала за подругой.

– Козёл, конечно, козёл, но и Семён ведёт себя, как баран, – констатировал факт Длинный и проводил взглядом фигуры девушек. – А Ира эта очень даже ничего...

– Угу, только нервная очень.

К тому времени, когда подошли девушки, Саньковскому уже и самому начало казаться, что перед решающей схваткой не мешало бы освежиться, потому как дилемма была решена в пользу козла. Он быстро дал себя уговорить, и его под руки, как жениха русалки, препроводили к воде. Козёл проблеял вслед что-то презрительное.

– Боже, какой позор... – пробормотал Семён, оттолкнул сестёр милосердия и рухнул лицом в воду.

«Утопиться, что ли?» – лениво подумалось под водой, но через несколько десятков секунд, когда в лёгких исчерпался кислород, этот способ самоубийства показался донельзя пошлым. Отфыркиваясь напоенным верблюдом, Саньковский выполз обратно на берег.

И тотчас раздался душераздирающий визг. На сей раз девушки завопили разом, словно узрев водяного. Димка с Длинным вскочили, как укушенные, хотя причины криков никто из друзей не понял. Правда, с головы Семёна свисали водоросли, но не это же, в самом деле, признак губернатора подводного царства. Козёл тоже таранился на недоумка, но атаковать, похоже, не собирался.

– Что случилось?!

Девушки на секунду умолкли и синхронно ткнули пальцами перед собой. С недоумением глядя на них добрыми глазами, Семён поднялся на ноги. Пошатываясь и пьяно улыбаясь, он принялся стягивать с тяжёлой головы мокрую зелень. Неожиданно рука наткнулась на нечто холодное, мягкое и пульсирующее – *живое*. И *это* сидело у него на голове. Инстинкт самосохранения моментально сошёл с ума.

Саньковский запрыгал камлающим шаманом, яростно тряс башкой. Друзья подошли поближе, а подружки шарахнулись назад. Под аккомпанемент несмолкающего визга Димка и Длинный тупо смотрели на конвульсивные пляски, но понять ничего не могли.

– Убедительно прошу вас заткнуться и объяснить в чём дело! – велеречиво обратился к дамам Длинный, но орущий дуэт игнорировал просьбу.

Ответ явился сам собой в тот момент, когда неожиданно с головы Семёна слетел серый ком и с противным звуком шлёпнулся наземь.

– Ух, ты! – не веря своим глазам, воскликнул Самохин. – Осьминог!

Тварь, мерзко извивающаяся на такой *обыкновенной* траве, и в самом деле сильно смахивала на осьминога. Неожиданно она замерла, и на людей уставился круглый беспощадный глаз. Время от времени его затягивала мутно-белая плёнка.

¹ Не стоит нервничать по пустякам!

– Мужики! Это точно осьминог! Вот уж не думал, что в нашей речке водятся настоящие осьминоги! – Димкиному восторгу не было границ. Он радовался так, словно повстречал родного брата-близнеца, с которым его ещё в детстве разлучила злая судьбина.

Остальные были настроены менее жизнерадостно. Семён медленно, но с завидным упорством приходил в себя. Два жестоких потрясения в течение десяти минут – это уже слишком даже для флегматика. То козёл, то осьминог – природа достала его до печёнок. Хмель проходил, оставляя только обиду, злость и мерзкий привкус. Вот этому представителю родной фауны он и предъявит вексель, а заодно докажет всем остальным, что случай с козлом – лишь досадное недоразумение!

Саньковский настороженно посмотрел на зрителей.

Девчонки выдохлись и попятились от того, что в их понимании сильно смахивало на последствия блуда водяного с медузой. Длинный, воспользовавшись тишиной, поинтересовался у Димки насчёт ядовитости осьминогов. Получив довольно уклончивый ответ, он решился было подойти поближе к твари, но тут та шевельнулась, и от неё поползло щупальце. Вытягиваясь пиявкой, оно влажно поблёскивало на Солнце и шевелило присосками. Под глазом откуда-то из складки кожи появился клюв и раздался скрипящий звук.

Друзья опешили, а Семён счёл момент подходящим, чтобы привести приговор природе в исполнение.

– Так ты, гадина, напугать меня решила? – просипел он, когда осьминог поднял над собой два щупальца и начал раскачивать ими из стороны в сторону. – Сопля членистоногая! Сейчас я тебе покажу, где положено зимовать ракам с осьминогами и в какой позе!!!

Разъярённый герой асфальта занёс ногу для удара. Тварь подпрыгнула, и одно из восьми щупальцев обмоталось вокруг щиколотки.

И всё.

Димка видел, как зависнув на секунду на ноге, осьминог был отброшен в сторону. Шлёпнувшись оземь, он сжался в комок и покатился к воде. Мутная пучина поглотила тварь, и только круги на воде демонстрировали, что увиденное – отнюдь не галлюцинация.

– Вы видели? – обратился Самохин к остальным на всякий случай.

– Ты лучше на него посмотри, – предложил Длинный, указывая на Саньковского.

Тот лежал, подогнув под себя правую ногу.

Димка нагнулся над ним и похлопал по щекам. Адекватной реакции не последовало. На глазах Иры заблестели слёзы.

– Я так и знала, что это плохо кончится... – всхлипнула она.

– Не ной, ради бога, а лучше принеси водки! – рявкнул Димка. У него уже начала болеть рука, а голова приятеля лишь моталась из стороны в сторону.

Рядом присел Длинный и начал неумело искать пульс. Нашупав, он принялся считать, шевеля узкими губами. Дойдя до ста тридцати двух, он спохватился, что не засёк время. Однако результат и так был ясен. Саньковский несомненно был жив, но пребывал в глубоком обмороке.

Самохин влил приятелю в рот подоспевшую тёплую водку и добился тихого мычания.

– Как самочувствие? Нормально?

Из горла Семёна вылилась водка, и вырвался нечленораздельный хрип. Обладая буйной фантазией, его можно было считать утвердительным. Глаза открылись и бессмысленно полезли из орбит. По телу пробежала судорога, пострадавший выгнулся, попытался опереться сразу на все конечности, но потерпел фиаско. Бессильно завалившись на левый бок, Саньковский снова перестал подавать признаки жизни.

Длинному всё это сильно напоминало обычную агонию. Было самое время подыскивать добрые слова для некролога, но тут вдруг появилось ещё одно действующее лицо.

– Привет, сосед! Ты чего такой скучный? – пнул Семёна рыболов-любитель Василий Рында, привлечённый женским визгом и непонятной суетой.

– Он... э-э, заболел, – буркнул Димка.

Рында наклонился.

– Да он же пьян в стельку! – не без зависти мигом определил он болезнь. – И это в одиннадцать часов утра да ещё в наше безалкогольное время...

– А вдруг эта штука его ужалила? – перебил его Длинный, обращаясь к Самохину. – Давай его в больницу, а? Вдруг этот осьминог ядовитый?

– Осьминог?! – обвис челюстью Василий. – Да тут у вас у всех солнечный удар! Какие осьминоги? Поменьше бы вы, ребята, злоупотребляли на жаре, а? Если для вас слишком много, то можете поделиться. Я с приятелями с удовольствием вас выручу.

Два мужика, стоящие несколько поодаль, согласно кивнули. Один из них подмигнул Лене.

– Ну и что ты врачам скажешь? – Самохин пропустил добрый совет мимо ушей. – Что его укусил осьминог?! Не в Японии же живём, чёрт побери!

– М-м... – протянул Длинный, лихорадочно подыскивая контраргумент. Он, конечно, не верил, что в Стране Восходящего Солнца осьминоги кидаются на аборигенов, как собаки, но эту интуитивную догадку сейчас словами подтвердить не мог. – Тогда его лучше домой...

– Я не знаю, о каких осьминогах вы здесь толкуете, но скажу одно: дурных и пьяных бог бережёт, – снова вмешался Василий. – Или вы с его женой не знакомы?

– А что жена? – буркнул Длинный. – Жена – не осьминог, не укусит!

– Какой бы она ни была, – поддержал друга Димка. Ему не улыбалось продолжать веселиться в компании полутрупа, пусть даже и знакомого.

Рында одарил их скептическим взглядом, размышляя над тем, насколько соседу было бы лучше, если бы его половина была не только осьминогиней, но, например, ещё и царевной-лягушкой.

– Как хотите, мужики, – сказал он. – Можете тащить его в больницу, домой или сразу в вырезатель, а мы с девчонками ещё посидим. Правда, красавицы?

Ира с опаской поглядела на обманчиво-тихую заводь и поклялась пить в будущем только в более цивилизованных местах. Она отрицательно покачала головой, но подруга сказала:

– Только пойдём к озеру, хорошо?

– Как скажете, – весело согласился Василий и улыбнулся своим приятелям. – Не стойте, как столбы с разинутыми ртами! Помогите дамам собраться.

Через пару минут они ушли к озеру, в которое через полкилометра впадала речушка. Димка вздохнул и окончательно взял инициативу в свои руки.

– Длинный, бери Сеньку на спину и иди, а я здесь уберу, – он скомкал клеёнку, швырнул её в сумку и сгрёб в кучу отходы.

Когда всё догорело, Самохин догнал маленькую полупохоронную процессию. Когда полутруп сопровождают, это ведь можно назвать процессией, не так ли?

* * *

Мария возвращалась домой от подруги. Ей было двадцать три года, и приходилась она Семёну Саньковскому, так сказать, женой «в законе». Кроме мужа, женщина обладала также мускулистой фигурой среднего роста, на которой оставили след регулярные посещения секции тех, кто метает ядра.

Третий день стояла ужасная жара, которую она не переносила. Воздух был раздражающе плотен, а раскалённый асфальт податливо всасывал острые каблуки белых австрийских туфель. Да ещё новое платье стесняло движения. Всё это и в отдельности могло довести кого угодно до

белого каления, а тут ещё эта дура! Безмозглая лоховка, для которой журнал «Крестьянка» – последнее откровение в мире моды. Нашла же, идиотка, перед кем устраивать выставку моделей!

– Нормально! – прорычала Мария, цитируя вычеркнутую из списка подругу. – Чрезвычайно нормально!!!

Ярость затмила предупреждение звёзд, а ведь те верно вещали, что лучше в этот день посидеть дома и не рыпаться. Именно из-за них она не отправилась загорать с мужем, но потом от скуки решила сходить к подруге, черти бы её взяли!

При воспоминании о супруге Мария зашипела взбесившейся кошкой и ускорила галоп. Случайный прохожий шарахнулся в сторону.

– Этот урод там отдыхает! – забормотала она себе под нос. – Развалился в тени! под кустом! и попивает холодное пиво! Если снова надерётся, сволочь, вышвырну с балкона!..

С этой мечтой Саньковская влетела в сырую прохладу подъезда. Каблуки простучали по лестнице на третий этаж копытами рысака, которому ещё далеко до живодёрни. Зазвенели ключи, дверь скрипнула и отворилась. В то же мгновение её ноздри расширились, фиолетовые глаза обернулись драконами и полыхнули жутким пламенем.

– О, эта вонища! Снова!

Аллергия супруги на перегар была проклятием как для Семёна, так и для его приятелей, но любящему сердцу он приказать в своё время не смог. В данный же момент эта напасть вообще не имела для него принципиального значения. Его тело лежало на диване в том же положении, в каком было оставлено верным Димкой. Ноги в перепачканных глиной ботинках бросались в глаза, как вспышки электросварки.

Итак, тело лежало и даже слегка похрапывало, не подозревая, что тихий час подошёл к концу. Злобное сопение женщины трудно спутать с затишьем перед бурей, но тем не менее так оно и было. К телу Семёна приближался ураган с традиционным женским именем Мария. Такова уж странная привычка синоптиков, из чего следует, что и у них есть жёны, тёщи и прочие составляющие семейной жизни.

– Семён! – пронёсся первым шквалом крик.

И жалобно звякнули стёкла. И нежнейшим малиновым звоном дал о себе знать богемский хрусталь, любовно выставленный в чешской стенке.

– Семеннн!!!

И полетел в открытую балконную дверь правый ботинок. И хрустнул хлипкий польский стул, на который жена свалилась, не удержав равновесия при попытке стащить бесчувственное тело с дивана, укрытого тончайшим турецким покрывалом.

– Семеннннн!!!

Одно эхо рыка супруги заставило бы любого здравомыслящего капитана крепко-накрепко принайтовать себя к грот-мачте и тихо молиться, чтобы та не сломалась. Безответственное же тело шлёпнулось на пол и лишь тогда открыло мутные очи. Тусклым взором оно обвело комнату, крикнуло и вскинуло руку.

– Что?!! – окончательно взбесилась верная половина. – Глазки мне строить?!

Рука требовательно закачалась, игриво шевеля пальцами. Во всяком случае, именно так Мария расшифровала странные жесты. Нервное переутомление – тот ещё дешифровальщик!

Железный обруч стиснул горло. От накотившего бешенства она не могла произнести ни слова. Подобную стадию непогоды бывалые морские волки называют «глазом урагана». Вокруг буря, а в самом центре – тишь да гладь... Однако минутное молчание было таким же обманчивым, как и спокойствие в центре урагана.

– А-а-а!!! – прорвался наконец воздух из лёгких. – Хочешь, чтобы тебе ручку подали?!! Уронили бедного мальчика на пол, и он начал валяться!!! Несчастненький ты мой, а по рёбрышкам?!! Как оно? Я ведь тебя предупреждала!!!

Операция эта, производимая остроносой туфлей, была весьма болезненна. Тело Семёна изогнулось в немыслимом мостике и неуклюжим пауком забегало по квартире, пытаясь увернуться от карающей туфли и переворачивая мебель.

– Ага! Так ты, оказывается, ещё и гимнаст?! – ещё пуще разбуянилась стихия.

Она бушевала и бушевала, круша рёбра несчастной жертвы. Звон стекла слился в одно сплошное дребезжание. Прошли не менее двадцати минут до того момента, когда тело Семёна пулей вылетело из подъезда и забилося в густые заросли кустарника, спугнув дворового кота.

Мария, успокоившись, так и не смогла понять, почему благоверный всё время двигался в скорченном виде. Ранее за ним ничего подобного не замечалось.

* * *

Пришло время, и Семён очнулся.

И жутко удивился. У него ещё никогда не было такого похмелья. Такого сказочного похмелья. Если быть точным, то сейчас этого самого похмелья не было вовсе.

Тело как будто плавало в невесомости. Голова была ясной, как никогда.

– Ах, – потянулся он, не открывая глаз, – приятно чувствовать себя человеком...

И открыл глаза.

И удивился пуще прежнего. Его окружал зеленоватый полумрак.

«Хм, вечер уже... Сколько же это я проспал? – Саньковский автоматически поднял к глазам левую руку, где носил часы, и увидел щупальце. И тупо изумился. – Неужели я приволок эту гадость домой?»

Он сделал отбрасывающее движение и снова поискал взглядом часы. И снова наткнулся на щупальце. После ещё одной попытки избавиться от конечности, с ней опять не произошло никаких кардинальных изменений. Вторая рука тоже оказалась щупальцем. Оно было, словно язвами, покрыто розовыми присосками...

И ноги! Они ничем не отличались от рук!!!

Было от чего запаниковать. Обманчиво-мягкое похмелье превращалось в жуткий кошмар. У него не было ни рук, ни ног. Сплошь одни щупальца. Даже больше, чем нужно. Спрашивается, как ему теперь узнать время?...

Страшная догадка обожгла мозг. Он утонул, и душа переселилась в проклятого, мерзкого, отвратительного осьминога! Теперь всю жизнь придётся влачить существование в теле кошмарной студенистой твари!!! Зачем он, идиот, к нему полез? А ведь экологи предупреждали, что Природа насилия над собой не прощает! Интересно, сколько живут осьминоги?...

Боже, какой дурацкий вопрос! Ведь это сон... Всего лишь сон! Во сне умереть невозможно. Вернее, никому не может присниться собственная смерть, а уж тем паче – жизнь после неё! Во сне нужно стремиться к свету...

Семён немного успокоился и начал делать членами плавные движения. Полумрак постепенно рассеивался. Вода или что бы это ни было становилась прозрачнее.

«Сон какой-то слишком реальный...» – подумал Саньковский, когда в глаза ударил яркий свет заходящего Солнца.

Моргнув, он огляделся. И ужас окончательного понимания истины начал сжимать холодными, прямо-таки ледяными клещами сердце. Или то, что было *сейчас* его сердцем.

Перед ним на волнах раскачивалась бутылка. Та самая, которую он давным-давно, ещё в первой жизни бросил в речку. Она дождалась его воскрешения...

Потеряв сознание, Семён снова ушёл под воду. Очнувшись на дне речном, он едва не заплакал. Чёрт, ведь никто и никогда не говорил ему: «Не пей, Сеня, осьминогом станешь...» При воспоминании о прошлой инкарнации защемило в бессмертной душе.

Саньковский снова всплыл. На берегу, где довелось скончаться, не было даже козла. Однако Семён рискнул выбраться из воды только тогда, когда Солнце спряталось за горизонт. Выбрасывая перед собой непривычные конечности, он некоторое время растерянно ползал по траве. Затем поднатужился и начал передвигаться, пытаясь шагать на упругих шупальцах. Чужое тело немилосердно шаталось из стороны в сторону. Ногоруки разъезжались куда хотели и стремились жить своей жизнью, клюв же пахал землю. Семёну хотелось плакать и каяться, но даже козлу в его положении было бы ясно, что уже слишком поздно...

С этими мыслями Саньковский снова отключился.

* * *

Понедельник, 23 мая 1988 года

Холод. Собачий холод и тёмная мгла. Так восприняли рецепторы нового тела условия внешней и чужой для него среды. Семён знал, что это ночь, и дрожал в образе осьминога.

«А говорят, что все земноводные твари – хладнокровные... Или хладнокровные? Один чёрт, разница небольшая. Будь я хладнокровным человеком, то можно было бы сказать, что у меня зуб на зуб не попадает», – размышлял он, стараясь подавить чёрный страх, который время от времени глистой-удавом стискивал внутренности. Ещё Семён пытался утешиться мыслью, что в случае примерного поведения ему скостят срок пребывания среди земноводных и в следующей жизни снова сделают человеком...

Такие размышления должны были более приличествовать какому-нибудь ламе, нежели молодому строителю коммунизма, зародившемуся под бдительным прищуром КПСС. В конце концов Саньковский задумался над этим и испытал приступ ничем неоправданной надежды.

«Так, так, – мысли перескочили на другие рельсы, – откуда я этой мистики набрался? От Машки, что ли? Ведь я не индус, не ислам, да и библию никогда не держал в руках. Какие, к чёрту, инкарнации некрещёных младенцев? Тут что-то другое...

Начнём сначала. Откуда появился осьминог? Ответ: из воды. Где я очнулся? В воде. Вывод: я всё-таки осьминог, потому что пришёл в себя под водой. Бред, ведь если в школе не ввали, то речных осьминогов не бывает... А я? Придурок ты, Сеня, несчастный... Стоп! Попробуем опять с самого начала.

Данный осьминог – реальность. Такая же, как и тот факт, что я сейчас в его теле. Напрашивается наглый вывод, что эта тварь, в которую меня занесла нелёгкая, тварь совсем не простая. А откуда берутся все непростые твари в наше время? Либо мутация под влиянием радиации, либо...»

Семён был чужд как предрассудков, так и понятия «скальпель Оккама». Пользуясь воспоминаниями о последних страницах газет, кроме которых давно ничего не читал, он наконец-то с лёгкостью пришёл к потрясающему, единственно верному, как всякое великое учение, выводу, что он – жертва инопланетян.

– Так вот он какой – первый контакт двух цивилизаций! Очень близкий и весьма непосредственный! Махнулась, сволочь, со мной телами и будь здоров, шевели лапами! Можешь их даже склеить от счастья!!!

Не на шутку разволновавшись, Саньковский принялся тщательно исследовать окрестности. Тела, его *родного* тела, которое сейчас пребывало под гнётом подлого инопланетянина, нигде не было.

«Стоп! Конечно! Как же мог Димка оставить меня валяться на холодной земле! А вдруг, – ему стало не по себе, – они подумали, что я умер? И закопали?!»

Он ещё никогда не умирал, но воспоминание о наваливающейся тьме, в которой... которая вращалась, как водоворот, и засосала его, было ничем не лучше настоящей смерти. И пове-

дение его наверняка было соответствующим. Не приходилось сомневаться, что навыки по оказанию первой помощи у приятелей были такими же, как и у него, то есть равнялись нулю.

«Брр! Такого не встретишь даже у Эдгара По. Похороненные живьём инопланетяне... Так им, конечно, и надо, но всё же...»

Семёну представилось, как он собственноручно, точнее, собственнощупальцеобразно производит эксгумацию в неверном свете молодой Луны. Пытается проникнуть в своё тело через рот или, возможно, через нос, а пришелец отчаянно сопротивляется. Пищевод сотрясают конвульсии, выворачивающие желудок, щупальца победителя проникают всё глубже и глубже в собственный кишечник... Гадость какая!

«Могильного холмика не видно. Похоже, что сейчас моё тело в постели, около тёплой Машки...»

Саньковский хрюкнул от удовольствия, вообразив, как супруга пытается изнасиловать того, кто привык сношаться исключительно с осьминожками. Однако стоп! А вдруг это *он* захочет её? Это же вполне возможно и тогда Землю заполонят маленькие осьминоги в обличьях мерзких зеленоватых ребятишек... Мало ли на что способна инопланетная генная инженерия!

От острого приступа ксенофобии его затрясло. Цель нашествия стала кристально ясна. Он! Только он один может и должен спасти родную планету и цивилизацию! Избавить жену от сожительства с проклятым пришельцем, в конце концов. Защитить семью – нормальная реакция на инопланетян!

На какое-то время Семён забыл, что осьминог пока что он сам.

Действительность быстро расставила всё по своим местам. Куда с такой рожей соваться, ведь это даже не свиное рыло?! Как он объяснит, что пришелец оккупировал его тело? Но, с другой стороны, надо попытаться, ведь не барахтаться же в этом болоте до конца света!

Не вызывал сомнений тот факт, что осьминожья шкура одинаково хорошо чувствует себя как в воде, так и на суше. Это был громадный плюс. Оставалось лишь вспомнить географию родного города.

Пощёлкав клювом, Саньковский прикинул, что, по самым приблизительным расчётам, до тёплой Машки не менее пяти километров. Чёрт его знает, с какой максимальной скоростью удасться перебирать щупальцами, но впереди целая ночь!

В очередной раз подавив в себе малодушное и, скорее всего, несбыточное желание утопиться, когда представил то, что его ждёт, Семён приподнялся на членах. Тишину украинской темноты простреливало неистовое кваканье лягушек, а небо заволакивали тучи. Ночь дышала тревогой, потому что ему этого хотелось.

Неудачно попытавшись сплюнуть, Саньковский довольно резво поковылял на полусогнутых щупальцах в ту сторону, где должен был быть его дом.

Верить в это ему тоже хотелось.

* * *

Новое тело ломило от боли. Ничего подобного никогда не испытывал тот, кто родился под далёкой звездой. Поведение аборигенов было настолько агрессивным и негуманным, что Тохиониус уже всерьёз начал подумывать, что угодил на планету Стрджа. Именно сюда, должно быть, переселились души тхариузоков – легендарных злобных существ, которые не давали нормально жить предкам в древних мифах родной планеты.

Сбившись с курса по вине головотяпов-технарей, подсунувших списанный гравитокомпас, он, пилот обыкновенного грузового корабля, был вынужден просить помощи у местной формы жизни. Первая же попытка вступить в контакт с разумными, на первый взгляд, существами потерпела крах. Одно из них драконозавром, которые ещё водятся на Ракшусе, набросилось на него, и Тохиониус ничего не смог с собой поделаться.

Всё то, что случилось в дальнейшем, было просто. В том смысле, что происходило на уровне инстинктов. Дикий ужас высвободил их из-под опеки разума. В результате древней защитной реакции, испокон веков применявшейся его народом при встрече с хищниками, он был заточен в тело, совершенно непригодное для мало-мальски нормального существования. В голове до сих пор не укладывалось, как это удалось аборигену, но факт оставался фактом – тот смог разгадать его манёвр. Остальным же варварам захотелось повеселиться. Они гурьбой отволокли злосчастную тушу, в которую превратился, к своему храму. Там свирепая жрица едва не лишила его и этого паршивого убежища для несчастной души...

Тохиониус горестно помотал головой. Объяснение происшедшему напрашивалось только одно – эту планету угораздило пойти по двуполому пути развития, наиболее, кстати, неприятному в плане общественных отношений. Теперь и он на своей шкуре убедился в том, что давно доказано наукой родной планеты. Сейчас ему уже не хотелось сомневаться, что разнополые существа просто физиологически не могут жить в мире. Новое тело-тюрьма, к сожалению, в сексуальном плане наверняка отличалось от хозяйки храма... Дикая, кровожадная планета! Недаром же этот сектор космоса не рекомендуется для полётов!..

Такие вот мысли бродили в бывшей Семёновой голове, лежащей в кустах. Грудь же и туловище были в крестах, оставленных на коже ногтями свирепой жрицы семейного очага.

Чужое солнце поднималось над негостеприимной планетой. Безжалостные лучи пробивались сквозь тучи, заливая нещадным светом всё вокруг. Нужно было спастись, и делать это не медля ни секунды.

Всю ночь Тохиониус, испытывая тихий ужас, сканировал доставшееся тело. Особенно поражал воображение мозг. Огромные размеры и при этом КПД, стремящийся к нулю. Некоторые центры не функционировали вообще, а другие тлели еле-еле. Судя по всему, варвары едва только ступили на первую ступень эволюции. Что ж, это хоть как-то оправдывало их существование. Усилием воли, благо чужое сознание ничем не давало о себе знать, ему удалось заставить работать нужные нервные центры и создать между ними связи, необходимые для освобождения...

И вот пришло время. Инопланетянин с лёгкостью подчинил примитивные центры управления четырьмя конечностями, сориентировался в пространстве и бодро зашагал к месту обмена.

К сожалению, состояться встрече суждено не было.

* * *

Они разминулись буквально на несколько минут. Виной тому была передышка, которую Семён позволил новому, но измученному марш-броском телу в скверике неподалёку от домашнего очага. Там он долго с удивлением разглядывал щупальца, которые, несмотря на опасения, не стёрлись по дороге.

Сейчас же, маскируясь среди кустов, травы, поломанных ящиков и прочего хлама, в изобилии украшавшего двор родного дома, где на первом этаже располагался гастроном, Саньковский упрямо ковылял вперёд. Недалеко от подъезда он неожиданно наткнулся на очень знакомый предмет, при виде которого человеческое сердце облилось бы кровью. Это был его, Семёна, правый ботинок.

«Чёртов космический пират, – подумал он, – так ты чужим добром швыряться! Привык, босяк, без ботинок по космосу шляться и тут начинаешь свои порядки наводить! Ну, погоди! Я тебе устрою приём в чужом монастыре!!!»

Закончив гневную тираду, Семён взял в клюв ботинок и понёсся к подъезду подобно ласточке, строящей гнездо. Он успел юркнуть в жёлоб водосточной трубы, не без сожаления выпустив обувь, когда дверь подъезда открылась и оттуда выползла соседка. Вздыхая и охая,

древняя бабка со второго этажа двигалась так медленно, что Саньковский не удержался от соблазна и ужом проскочил между её ног, не забыв прихватить башмак.

Старушка молодо взвизгнула, и вслед понеслось:

– Чур тебя, нечистая сила! Куда смотрит санэпидемстанция?!!

– Что случилось, Матвеевна? – поинтересовались с какого-то балкона.

– Огромная крыса! Да как шаснет у меня...

Диалог заглушила закрывшаяся дверь подъезда. На одном дыхании Семён взобрался на третий этаж и только тут сообразил, что ключей у него нет. Что такое не везёт и как с ним бороться?!! Чертыхнувшись, он пополз вниз. Единственной надеждой был дикий виноград. Лозы тянулись почти до самой крыши.

Бабки по-прежнему обменивались впечатлениями о хамском поведении современных крыс. «Вот когда мы были молоды, те не позволяли себе...»

Саньковский отшвырнул ботинок в сторону и нагло, мстительно и медленно, снова пополз между ободранных туфель Матвеевны. «Я тебе покажу, как меня с крысами путать!» – злорадствовал он, наслаждаясь произведённым эффектом, ибо визжала та знатно. Затем, подхватив символ возвращения домой, покарбкался по винограду вверх. Листва надёжно укрывала его, хотя Семён и так был уверен, что сейчас до него никому нет дела.

В доме тем временем захлопали окна. Любопытные жильцы наперегонки интересовались тем, что приснилось старушке на сей раз.

– А-а!!! – вопила та. – Змея! Огромнейшая змеюка!.. Куда смотрят змееловы?!!

Осьминог достиг своего балкона. Дверь по поводу жары была открыта. Он проскользнул в комнату. Несмотря на визг и вопли сторонницы стерильности подвалов, с которых в дни её молодости начиналось социалистическое общежитие, Машка спала.

Саньковский забрался на стол и осторожно водрузил на полированную поверхность ботинок. Он был дорог ему, как вторая вежа новой жизни. Первой была бутылка, но такого памятного знака сейчас Семён не пожелал бы и злейшему врагу.

Жена спала одна, и в душе он испытал немалое облегчение, правда, с примесью понятного разочарования. Коварного лазутчика нигде не было видно. Немедленная месть откладывалась на будущее.

«Неужели они меня в больницу отволокли? А ботинок? Сувенир любящей жене?»

Семён чужим нутром чувствовал, что здесь что-то случилось, но спросить было не у кого. Машку будить не хотелось. Спросонья она может и не сообразить, кто к ней пришёл. Нужно было ждать и думать, как дать ей понять кто есть кто. И первым делом, конечно, нужно убрать со стола.

Сползая по ножке, Саньковский вдруг заметил сломанный стул. Обломки мигом подсказали, что здесь произошло нечто серьёзное. Мелкая потасовка с ломанием мебели или что похуже? Дышит или нет?

Не на шутку разволновавшись, он направился к дивану и взобрался на одеяло. Всё-таки дышит! Семён влюблённым глазом вытаращился на суженную.

С улицы послышался шум подъехавшей машины. Она долго разворачивалась, затем злобно взвыла двигателем, чихнула и затихла.

– Принимайте товар! – раздался громкий голос. – Рыба! Ещё живая!

Ото всех этих безобразных звуков благоверная заворочалась. Ей всегда действовали на нервы механические звуки, будь то будильник или ремонт у соседей. Вдруг внизу грохнул железом о железо раскрытый люк, и Мария открыла глаза.

И увидела огромный, бесцветный, гипнотизирующий её глаз.

* * *

Водитель автомобиля с гордой надписью жёлтыми буквами на синей цистерне «Живая рыбы» сидел в кабине и искоса посматривал на грузчиков. К половине девятого утра те ещё не успели опохмелиться и, в свою очередь, недовольно глядели на него. И тоже исподлобья. В их глазах без труда читалось: «Какая разгрузка с самого утра?! Твоя рыба всё равно дохлая и числится живой только по той простой причине, что ещё не завонялась. Караси, блин, третьей свежести!»

– Ну, мужики! Давайте веселее! Не стоять же мне до обеда! – наивно, исключительно по молодости лет, которых ему было никак не больше двадцати, воззвал к ним водитель.

– Постоишь, никуда не денешься! – процедил один из грузчиков сквозь редкие, прямо-таки антикварные зубы. Его напарник – не улыбочивый толстяк, лишь молча сплюнул, давая понять, что с незваной рыбой он церемониться не будет.

– Мне же ещё в два магазина заехать надо! – приврал водитель.

– Слышь, Живая Рыба! – снова заговорил низенький и тощий владелец стоматологического чуда. – Не рыбой единой жив человек, секёшь? У нас тут ещё кой-какие дела есть. Скажи, Жора?

С этими словами он потащил толстяка в подсобку. Оставшись в одиночестве, Живая Рыба открыл было рот, чтобы высказать мнение обо всех их делишках, как вдруг гневные слова застряли в горле в одночасье. Этому в немалой степени способствовал оглушительный визг.

Он высунулся из кабины, поднял голову к источнику звука и увидел, как нечто пролетело по небу и плюхнулось аккуратно в открытый люк машины.

Борец за право живой рыбы быть вовремя зажаренной с ошалелым видом вылез из кабины и успел заметить, как некто извивающийся, тёмный, *потусторонний*... До отказа раскрытыми глазами он смотрел вслед длинному, блестящему обрётённой чешуёй телу, которое выползло из цистерны и рвануло прочь.

Когда снова появились грузчики, Живая Рыба всё ещё стоял, переводя безумный взгляд с люка на балконы дома и время от времени встряхивая головой.

– Ты чего это? Гимнастику делаешь, да? – поинтересовался у него тощий, демонстрируя личный вклад в стоматопатологию. – Я же тебе, Жора, говорил, что ушу – гимнастика для всех!

– Тут та-а-кое было... – протянул водитель свистящим шёпотом. – Длинное, ползучее, летучее...

– Какая, к чёрту, уша, Жорик? – усомнился Жора в истинности слов напарника и мрачно хмыкнул: – Не понимаю, как в таком состоянии вообще разрешают за руль садиться?

– Пьяный за рубликом... Нет, за рубежом или... – начал было цитировать историческую фразу тощий, но запутался в целях жизни и умолк.

– Не, на пьяного не похож. – Хмурый взгляд оценивающе окинул водителя, а затем напарника. – Совсем не похож. Наркоман, наверное.

– Мельчает молодёжь, – родил соболезнование Жорик и сплюнул сквозь многочисленные щели, которые и считались, собственно, его зубами.

Обоих родители нарекли Георгиями, и они не могли не встретиться в этой жизни.

* * *

Гремя пустой тарой в авоське, Димка Самохин следовал в гастроном. Он собирался выгодно обменять её на две бутылки пива для общей профилактики организма. Страдать на работе от отсутствия любимой жидкости не хотелось.

Семёна Самохин заметил в тот момент, когда собирался подкурить. С первого же взгляда тот показался странным и необычным. Присмотревшись внимательнее, он сообразил, что приятель шагает в одном ботинке. Да и одежда сидела на нём не так, как всегда, и была сильно повреждена.

– Сенька, куда путь держишь? – любопытство было не самым основным Димкиным пороком, но постоянно давало о себе знать.

Прошло несколько секунд, прежде чем Семёновы глаза наткнулись на него. А когда друг его увидел, то реакция оказалась более чем удивительной. Он замер, весь сжался, а глаза забежали по сторонам.

Димка, неизвестно почему, но неожиданно почувствовал себя виноватым. Тохиониус же с ужасом понял, что сейчас за него снова возьмутся, и вряд ли ему удастся пережить ещё один сеанс пыток. Чувствуя себя не в своём теле, как в чужой «тарелке», он был далёк от того, чтобы идентифицироваться с этой тушей, абсолютно схожей видом с остальными полуразумными обитателями, как и от родной планеты. Прямым следствием этого была невообразимая путаница в мыслях.

– Ты себя нормально чувствуешь? – был следующий вопрос.

Пришелец растерялся ещё больше. Если перед ним враг, то почему не нападает? И что делать, если тот не нападёт? Нападать самому? Тхариузок их знает, эти местные традиции!..

Губы неприятеля зашевелились снова и в голосе опять были вопросительные интонации. Ещё вчера, пребывая в плену, он немного выучил повадки этих полуживотных. По логике вещей, сейчас должен последовать удар. Бежать? Куда? Или сделать движение головой, как это иногда делали они в схожих ситуациях?

– Идёшь со мной на пиво, в последний раз спрашиваю? – агрессивно вопрошал Самохин, подстёгиваемый комплексом вины.

Голова приятеля неуверенно кивнула.

– Ну и хорошо, – Димка потащил друга за собой. – Да, здорово тебе вчера досталось, ты уж извини. Как там Машка? Не сильно обиделась?

Существо, которое снова его куда-то тащило, опять о чём-то спрашивало. В звуках, которые оно издавало, не было тех ноток, от которых хотелось стать невидимым. На этот раз Тохиониус решил покачать хранилищем мозга из стороны в сторону. Поведение аборигена было абсолютно алогичным, словно тот напрочь забыл, что произошло вчера.

Вскоре незадачливый пришелец испытал ещё большее потрясение. Когда он оказался в толпе молящихся внутри ритуального строения, то те приняли его за своего. Тохиониус испытал несказанное облегчение, сообразив, что обмен информацией между варварами и их богами тут поставлен из щупальцев вон плохо. Молились аборигены, правда, тоже в высшей степени странно. Они размахивали руками и орали слова обращения к богам друг другу в лицо. За особо удачные вопли жрицы в белых халатах выдавали им вознаграждение.

У инопланетянина возникла догадка о том, что произошло с ним вчера. Его – как же это называется у примитивных рас? – ах, да, причащали к религии. Из этого следует, что бояться теперь больше нечего.

Погрузившись в оптимистические размышления, Тохиониус не заметил, как рядом появился его «крёстный».

– Идём, – сказал Димка и, видя, что слова отскакивают от друга, как горох от стенки, снова потащил за рукав.

Пришелец безропотно подчинился и так же покорно взял в руку дар местных богов, который вымолил ему новый знакомый. Становилось понятно, что тот во вчерашнем не виноват. Просто традиции – страшная сила...

Самохин затащил того, кого продолжал считать другом, за угол. Откупорив бутылку пива, он посмотрел на Семёна и укоризненно покачал головой.

Тохиониус же таращился на священную жидкость и понятия не имел, что с ней делать, кляня себя за то, что никогда не интересовался историей чужепланетных религий. Впрочем, одновременно он сознавал, что это сейчас вряд ли бы помогло – сколько богов, столько и традиций. Взять, к примеру, этих, с Чмандры...

Мысль до конца он додумать не успел, потому как Димка тяжело вздохнул, отдал ему свою бутылку, а его взял себе и принялся возиться с пробкой.

Послушно взяв ёмкость, Тохиониус, разумно полагая, что ему никогда не разобраться в местных нравах, с удивлением определил, что внутри находится жидкость. И, судя по запаху, явно не для питья. Даже эти, с Чмандры, и те бы такую гадость глотать не стали. Тогда для чего её дали? Элементарно! Почему бы не предположить, что это было сделано для того, чтобы неопит совершил утренний обряд омовения? Будет в высшей степени логично использовать её по прямому назначению!

Подняв голову, Димка в ужасе замер с открытой бутылкой и ртом в том же состоянии. Как зачарованный, он смотрел на приятеля, который лил пиво себе на голову. Никогда раньше за Семёном подобного не замечалось и от этого лучшему другу рехнувшегося захотелось завывать.

Тохиониус поливал чужую башку, как заботливый садовник клумбу. Блаженное выражение лица даже неопытному глазу многое сказало о состоянии психики, пошатнувшейся в результате интоксикации организма ядом осьминога после укуса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.